
AD MEMORIAM

СЛОВО ОБ УЧЕНОМ-ГУМАНИСТЕ

Один из французских просветителей XVIII века как-то сказал: «Живу только тем, что помню». Под этими словами подразумевалась важность учета опыта прошлого, а следовательно, необходимость изучения жизни прежних поколений, сохранение на скрижалях истории всего ценного для настоящего и будущего.

Естественно, большая часть людей проявляет интерес к былому, но особенно велика роль в просвещении населения историка-профессионала, который всю свою жизнь отдает этому труду. К таким относился и Николай Андреевич Мохов, 100-летие которого отмечалось недавно. Родился он 9 декабря 1904 г. в селе Мостовое на юге России, ныне Краснодарский край. Жизнь складывалась нелегко. Последовали три революции, движение казачества, особенно активно проявившееся на юге. Да и здоровье подводило. В юношеские годы от перелома ноги он стал хромым. Позже заболел туберкулезом, от которого избавился только к концу сороковых годов. Были проблемы и со зрением.

При всем этом, он проявлял особый интерес к знаниям, отдавая предпочтение истории и уважительному отношению к детям. Получив среднее образование, он поступил в Петербургский университет на исторический факультет. После его окончания в 1925 г. он работал учителем, проявляя заметные способности к улучшению системы школьного образования, за что и был привлечен для службы в органах просвещения РСФСР.

Трудовую деятельность он совмещал с научной, сохраняя связи с кафедрами университета. Более всего увлекался историей славян, в частности западных и южных. Став аспирантом, готовил кандидатскую диссертацию и вел курс лекций. После защиты в 1945 г. диссертации встал вопрос об оказании помощи Молдавии в развитии вузовского образования. Ему

предложили, учитывая происхождение с теплого юга, да и состояние здоровья, поехать в Кишинев. Он согласился и учебный год начал в должности и.о. доцента кафедры истории СССР Кишиневского пединститута, который был расположен в здании на ул. Пирогова 65 (ныне первый корпус госуниверситета).

Приняли его на новом месте с большой радостью, тем более что со степенями было совсем мало преподавателей, а из историков республики только Я.С. Гросул, защитивший диссертацию в 1944 г., а несколько спустя в 1945 г. – Н.А. Нарцов. Тогда мало кто знал кто такие кандидаты наук, доценты, а тем более доктора наук, профессора. Кишиневский пединститут был единственным вузом, где готовили учителей-историков с высшим образованием.

Кишинев был до основания разрушен войной и квартиры предоставлялись приезжим с большим трудом. Семью Моховых (он, жена и дочь) поселили в студенческом общежитии пединститута по ул. Фрунзе 104. Дом этот был построен в начале XIX века. Владелец его использовал для встреч видных личностей, в нем бывал и А.С. Пушкин. После войны здесь разместили общежитие пединститута, госуниверситета и политехнического института. Дом разрушило землетрясение 1977 г. На этом месте ныне строится новое здание.

Последовала весьма трудная преподавательская и научная деятельность Н.А. Мохова в пединституте, потом с 1946 г. и в созданном Кишиневском госуниверситете. Он стоял у истоков организации исторических исследований и в образованной в 1946 г. Базе АН СССР, куда вошел Институт истории, языка и литературы и другие научные учреждения. В 1947 г. он возглавил сектор истории этого института.

В том же году правительством была создана специальная комиссия по работе над

двухтомным курсом истории Молдавии, в которой Николай Андреевич был назначен научным секретарем. В помощь комиссии руководство Академии наук выделило ряд консультантов из Москвы. Среди них были: член-корреспондент АН СССР А.Д. Удальцов и Л.В. Черепнин, позже ставший академиком. До конца 40-х годов были подготовлены макеты двух томов Истории Молдавии, ставшие предметом широкого обсуждения. Трудность заключалась в том, что почти отсутствовали монографические издания по важнейшим проблемам прошлого. Это заставляло более углубленно исследовать все периоды. Мохов был примером и в этом. Он подготовил и издал ряд монографий по средневековой Молдавии, в том числе: «Очерки истории молдавско-русско-украинских связей с древнейших времен и до начала XIX века» (1961 г.), «Молдавия эпохи феодализма» (1964 г.), «Очерки истории формирования Молдавского народа» (1976 г.), «Дружба ковалась веками» (1980 г.) и др. Им были написаны ряд брошюр, десятки статей, учебников и учебных пособий. Общее число научных трудов Николая Андреевича составляет более 150 названий.

Мохов хорошо знал старославянский язык, освоил молдавский язык, читал молдавские грамоты, разбирался в украинском, польском и чешском языках.

Большая научная и учебная работа в вузах и в оказании помощи школам позволила ему защитить докторскую диссертацию, стать вузовским профессором, а в 1972 г. быть избранным членом-корреспондентом АН Молдавии.

Думается, плодами научной деятельности Николая Андреевича смогли и еще больше смогут воспользоваться многие, интересующиеся историей и желающие стать историками-профессионалами. Сам он стремился вовлечь в эту благородную работу как можно больше людей. Это касалось и школьников, и студентов, и учителей. Многие из них приходили к нему, стараясь получить совет и напутствие. Немало исследователей под его руководством или при его участии консультациями подготовили и защитили докторские диссертации, стали видными учеными у нас и за рубежом Молдовы. Среди них: Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, А.С. Есауленко, П.В. Советов, В.С. Зеленчук, М.К. Сытник, Е.Е. Чертан, Е.М. Подградская, В.И. Жуков, Я.М. Копанский. Все перечисленные доктора наук прошли через «моховскую школу в кандидаты». Вместе с ними заметными в науке стали кандидаты наук Ю.Г. Иванов, П.Г. Дмитри-

ев, Д.М. Драгнев, З.М. Иванова, И.А. Анцупов, И.В. Семенова, В.М. Рожко, Г.Ф. Чеботаренко, И.А. Рафалович, А.И. Ешану и другие. Впоследствии П.В. Советов, В.С. Зеленчук, Д.М. Драгнев и А.И. Ешану стали членами-корреспондентами Академии наук Молдовы.

О научной деятельности Н.А. Мохова можно еще долго писать, да и говорить, знакомясь с его трудами. С его помощью во многих школах создавались кабинеты истории, школьные музеи. К нему приезжали, звонили учителя, и даже школьники.

Однако его жизнь в науке складывалась не только в положительном плане. Приходилось преодолевать значительные трудности. Были и ожесточенные споры, и несогласие по фундаментальным вопросам. Кое-кто был готов приписать ему политику. Мол, не того происхождения. Учитывая все это, он решил покинуть Институт истории. И в последние годы жизни стал работать старшим научным сотрудником Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР.

Хочется сказать о Николае Андреевиче в повседневной жизни, об его человеческих качествах и особенностях. Считаю, что основанием для этого является то, что встретился с ним в первые дни его приезда в Кишинев, учился у него, а потом мы работали вместе до его последних дней. В соавторстве мы написали две брошюры и несколько статей.

Первые встречи наши произошли во дворе того же общежития, где он поселился в октябре 1945 г. Я оказался там же в 20-местной комнате студентов-рабфаковцев. Так называли тогда студентов подготовительного отделения. И жил я там до окончания исторического факультета в 1951 г. Мохов был доцентом, видели мы его почти ежедневно. Вскоре узнали, что он сильно болен, а это было видно и по внешности. Положение не улучшалось, а ухудшалось в связи с наступившим голодом, который усиливался и достиг апогея в 1946 г. Карточный паек был крайне скудным, а ему больному человеку совсем трудно было. Мы пекли во дворе на кострах картошку, кукурузу и бывало, если он пройдет, угощали его. Встречался иногда с ним в туберкулезном диспансере в начале улицы Подольской. После отмены карточной системы в декабре 1947 г. положение стало заметно меняться к лучшему. В восстановленном 2-х этажном доме напротив памятника Стефану Великому он получил квартиру рядом с доцентом Н.В. Королевым, тоже прибывшим в Кишинев, но из Москвы.

Всех преподавателей истории пединститута, да и университета мы знали, часто общались, играли в шахматы во дворе и даже дружили с некоторыми. При их помощи завязывалась и дружба студентов. Еще до окончания учебы, посещая Николая Андреевича на работе, познакомился с Е.М. Руссевым, И.И. Левитом, студентами университета А.С. Есауленко и Ю.Г. Ивановым, да и с другими. Конечно, мы не допускали панибратства – Есауленко и Иванов были участниками войны, да и я занимал должность лаборанта, а потом заведующего кабинетом истории пединститута. Если и бывали какие-то нарушения дисциплины, Иванов спрашивал в шутку: «А что скажет Мохович?» Так бывало мы называли между собой Николая Андреевича.

Часто приходилось посещать Институт истории языка и литературы, который тогда размещался в бывшем школьном здании на улице Матеевича, рядом с Советом Министров. Именно Мохов помог по просьбе декана исторического факультета пединститута А.П. Гозуна приобрести муляжи и археологический материал для кабинета истории. Он звонил в республиканский краеведческий музей к Сергееву, просил Г.Ф. Смирнова, возглавлявшего институтских археологов, оказать помощь экспонатами.

Закончив вузы, часть из нас попала в аспирантуру. Мы должны были завершить диссертационные работы в 1955 г. Увы, пришлось переписать все сначала, ибо наши работы были написаны под влиянием культа личности Сталина. Тогда заведовали кафедрами в университете Я.С. Гросул, в пединституте С.Я. Афтенюк, а в Институте истории наукой руководил Мохов. Они тоже перестраивались и помогли и нам к концу 50-х годов защитить диссертации.

После окончания аспирантуры Есауленко, Иванов и я оказались научными сотрудниками института Истории. Приходилось доказывать на деле свои способности, оправдывать доверие. К нам присоединился выпускник юридического факультета Одесского Университета П.В. Советов. И Гросул, и Мохов считали, что институту истории нужен юрист по средневековому молдавскому праву. И все, как считалось, шло неплохо.

Но мне пришлось столкнуться с Моховым в весьма трудных обстоятельствах. Не успел я стать научным сотрудником Института истории, как последовала повестка военкомата по отправке на переподготовку лейтенанта Стратиевского на три месяца под Минском в лет-

ную часть. А был я без квартиры с беременной женой и слепым отцом. Жили 6 человек в одной комнате у тещи. Куда деваться? Я к Гросулу и Мохову. Стали хлопотать вплоть до правительств. Однако, в то время отсрочек никому не давали. Гросул был занят, а Мохов мне сказал, что ему поручено негласно выйти на военкома полковника Курдюмова, ибо только он может чем-то помочь. И в результате просьб Мохова военком пошел на уступки с одним условием, что замену нужно найти в нашем же институте. Нашли А.И. Бабия. К сожалению, так получилось, что Бабий полтора месяца спустя, при посадке с парашютом поломал ногу. Я остался дома, да и квартиру получил на ул. Ленина 64. Одновременно со мной квартиру получила и жена Бабия. Мохову и по сей день благодарен за то, что он сумел довести дело до конца, спас положение.

Но мне не везло. В следующем 1957 г. я серьезно заболел. Диагноз: туберкулез позвоночника. Выход один – многомесячное лечение в специализированном санатории под Ялтой, в Семиизе. Другое решение тут было невозможно. Накануне нового 1958 года готовился к вылету в Крым. Вдруг у нас дома появился Николай Андреевич с пожеланием счастливого пути. Уходя, он вручил жене конверт с деньгами, которые собрали сотрудники института. Мог бы привести и другие факты его гуманного отношения к сотрудникам, да и вообще к людям. Но ограничусь этим.

Есть смысл остановиться еще на двух вещах, которые Мохов считал необходимыми историкам. Тогда была возможность часто ездить в командировки в разные города и научные центры. Мы вместе бывали в Москве, Киеве, Львове, Одессе. И всегда эти поездки оказывались полезными во всех отношениях. Он находил нужным не только ходить по архивам, а использовать время и для посещения исторических памятников, культурных учреждений. Помнится как во Львове при участии заведующего кафедрой Львовского университета профессора Похилевича мы целый день осматривали львовское кладбище, которое устроено как музей. Он полагал, что такие прогулки обогащают исторические знания, дают возможность увязать прошлое и настоящее.

Примером может служить и командировка 1968 г. в Киев. Через день после нас приехал туда Я.С. Гросул. Мы провели важное заседание по ряду проблем, в котором участвовали и московские ученые – академик Л.В. Черепнин и редактор академического журнала профессор

Алпатов. После этого Мохов сказал мне, что мы не уедем домой, пока не побываем на Владимирской горке, внизу которой произошло крещение Руси. Сверху от здания обкома партии на фуникулере мы спустились вниз. В течение двух часов осмотрели парк, а потом пришли к фуникулеру, который подымал людей назад. Но машина не работала, ремонтировалась, и нам сказали: «Погуляйте, и через час-два дело будет исправлено». Подчинились. Мохов, конечно, не мог подняться пешком на гору. А когда мы вторично явились, то нам сказали подождать еще часок. Я стал нервничать и говорю: «Вот вам и порядки. Застряли, и теперь жди».

Отойдя в сторону, он мне заявил: «Кирилл, что с тобой? Зачем горячиться? Забываешь историю, ведь именно для порядка более тысячи лет назад призывали сюда варягов». Я подумал: «Вот тебе и связь истории с современностью...»

Николай Андреевич характером был спокойным, никогда не повышал голос, но добивался своего. Проявлял завидную аккуратность во всем, являлся прекрасным рассказчиком, с ним никогда не было скучно. Это был интеллигентный, высокой культуры Человек.

Умер Н.А. Мохов 27 октября 1983 г. и похоронен на Центральном кладбище в Кишиневе.

*Доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент АН Молдовы,
К.В. Стратиевский*

Статья поступила в номер 12 декабря 2005 г.